

The book cover features a purple top and bottom border. The central area is a vibrant green field with stylized trees and a car. Two winged women stand in the foreground. The top right corner has a pink heart with a ribbon and some text. The title is written in large white letters across the green field.

Как склеить разбитое сердце?

❁ Вера Ивазова ❁

Вера Иванова
Как склеить разбитое сердце?
Серия «Только для девчонок»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=179964
Как склеить разбитое сердце?: Эксмо; М.:; 2008
ISBN 978-5-699-29926-3*

Аннотация

Что ни делается – все к лучшему? Когда Карину и Марину одновременно бросили их молодые люди, подруги так не считали. Им казалось – жизнь кончена! Сердца разбиты, и вместо клевой поездки в Питер, куда они собирались еще вчетвером, придется сидеть дома и страдать... Хотя кто сказал, что сидеть дома – обязательно?! Пусть бывшие парни кусают локти, а Каринка с Маринкой отправятся в Питер сами. Если бы девчонки только догадывались, какие приключения ждут их в дороге...

Содержание

Пятница 20.05.200...	4
14.00	4
15.00	13
15.30	17
16.00	22
19.00	27
20.00	31
21.00	35
22.00	48
23.00	53
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Вера Иванова

Как склеить разбитое сердце?

Пятница 20.05.200...

14.00

Ты когда-нибудь была в пролете? Если да, то ты меня прекрасно понимаешь. А если нет – сочувствую: у тебя еще все впереди! Как говорят знающие люди, хотя бы раз в жизни такое случается с каждой. И тебе, бедняжке, еще только предстоит выслушать неожиданные слова от твоего парня и увидеть, как он старательно отворачивается, лишь бы не встречаться с тобой взглядом. И почувствовать, как человек, ближе которого не было, вдруг перебрался из твоего сердца на другую планету... Кстати, если тебя отвергнут именно так, считай, тебе повезло. При современном уровне средств связи гораздо легче «послать» надоевший предмет по «мылу» или смской... Или наговорить на автоответчик... Кому охота портить себе настроение, выслушивая упреки и ругательства в свой адрес! Ведь так удобно ограничиться па-

рой строчек вроде: «Дорогая, прости. Я полюбил другую». Или: «Если стоишь, сядь. Я вычеркиваю твой номер из памяти». Или: «Нам было хорошо вдвоем, но тебе не кажется, что мы немного устали друг от друга?» Не станет же отвергнутая девчонка разбивать компьютер! Или топтать ногами мобильник... А если и станет, ей же хуже!

Будь уверена, твой «зайка» выберет как раз тот момент, когда ты окончательно расслабишься – в полной уверенности, что лучше, чем у вас, и быть не может. Когда глаза твои, наивная, окончательно зальет розовым сиропом, а в голове будут витать модели свадебных платьев, обручальных колец, белых лимузинов с ленточками на капоте...

Это, так сказать, первая стадия. Вторая – промокшие от слез подушки. Количество слез у всех разное. У некоторых – много-много, целое море. А другие обходятся одним носовым платком. Но все равно, горько и обидно. Была замечательная сказка о Золушке, а какой-то придурок взял и все испортил: приделал ей финал от «Морозко» – с тобой в роли отвергнутой некрасивой сестры.

У меня все это уже позади. Я перешла к третьей стадии, которая называется «Жажда мести». Начинаешь понимать, что все парни вокруг – гады и свиньи, верить нельзя никому, а любовь – идиотская выдумка писателей и киношников, помогающая им зарабатывать на хлеб.

А теперь обо всем по порядку. Благо теперь у меня столько свободного времени, что хватит на целый роман!

Вначале о себе и Каринке.

Мы с подругой всегда были как сестры. У нас даже имена почти одинаковые: я – Марина, она – Карина. Живем в одном доме, только я – на восьмом этаже, она – на шестом. В детском саду ходили в одну группу, а в школе очутились в одном классе и даже за одной партой, хотя Каринка старше на два года – ей недавно стукнуло восемнадцать, а мне пока – шестнадцать. Наши вкусы совпадают во всем до мелочей. Мы с ней очень похожи на Монику и Рэйчел из «Друзей» – их еще играют Кортни Кокс и Дженифер Энистон, помните? Не внешне, конечно, похожи, а внутренне. Даже то, что Карина после одиннадцати пошла в рост и сделалась пышной брюнеткой, а я так и осталась рыжей худенькой мышкой, нам не мешает. Мы просто смотрим на мир с разной высоты – Карина со своих 178 см, а я с жалких 154. Ведь, независимо от этого, мы совершенно одинаково балдеем от мороженого «Хоттабыч», кошек и актера Джорджа Клуни.

Чему уж тут удивляться, если мы начали встречаться с братьями! Карина со старшим, Евгением, я – с младшеньким, Петюней.

И уж совсем нет ничего странного в том, что в ту черную пятницу мы обе оказались брошенными. Да-да, наши приятели, словно сговорившись, выбрали для своих гадких откровений именно этот день!

Мы как раз готовились к поездке в Питер. Путешествие представлялось нам невероятно романтичным. Только во-

образите – в пятницу вечером две влюбленные пары тайком мчатся на машине из одной столицы в другую, чтобы провести вместе незабываемые выходные и вернуться в воскресенье, до приезда предков. Позади – скучная московская жизнь с бесконечными «нельзя», впереди – свобода, любовь и «можно все»! Родители с легкостью проглотили заготовленные нами легенды о том, что мы отправляемся с классом на экскурсию, и не было на свете силы, которая могла бы нам помешать.

Вернее, такая сила была, но мы совершенно забыли о ее существовании. Называлась она – Судьба. Вот что вмешалось в нашу жизнь как раз в тот самый момент, когда я безуспешно пыталась затолкать в плотно набитый рюкзак маникюрный набор.

Сообщение на мобильник пришло, когда набор почти уместился в маленьком боковом кармашке.

Это был Петюня. Вернее, не он, а его смска.

«Поездка отменяется, – прочитала я. – Так же, как и все остальное. Извини, но мы с тобой совершенно разные люди. Нам нужен перерыв, чтобы все обдумать и разобраться в своих чувствах. Я только сегодня это понял, поэтому не сказал раньше».

Мне пришлось перечитать злосчастное сообщение дважды, прежде чем я осознала...

Меня бросили! Кинули! Предали!! Я – в пролете!!!

В сердце словно воткнули раскаленный прут. Я не могла

даже вздохнуть и пошевелиться, так и стояла, как дура, с маникюрным набором в левой руке и трубкой – в правой. Наверное, долго стояла, потому что новости по ящику закончились, и предки снова вернулись к жизни.

– Что случилось? Кто это? – крикнула из кухни мама.

– Никто, – ответила я, глотая слезы. – Никто!

Ножницы, щипчики и пилочки полетели на пол, а я трясущейся рукой принялась набирать Петюнин номер. Однако все его телефоны молчали. Неужели прячется от меня?! Тогда эта мысль показалась дикой, но уже через полчаса безуспешных попыток пришлось смириться с жестокой реальностью – мне дали отлуп, причем безжалостный и окончательный. Да еще и унижительный к тому же – по телефону, чтобы избежать ненужных сцен... Трус! Слабак! Предатель!

Размахнувшись, я с силой швырнула мобильник в стену. Петюне очень повезло, что передо мной не было его физиономии, иначе телефон отпечатался бы на ней...

– У тебя что-то разбилось? – снова крикнула мама.

– Да... Да! – всхлипнула я.

– Что-нибудь ценное?

– Мое сердце! – прошептала я, давясь слезами.

Спасти меня могла только рассудительная, невозмутимая, практичная Каринка. Из последних сил сдерживая рыдания, я бросилась к ней – только для того, чтобы увидеть, как моя уравновешенная, неунывающая подруга рвет на мелкие кусочки фотографию Евгена, ругаясь при этом такими слова-

ми, которые вогнали бы в краску даже нашего сантехника.

Мир рухнул. Я стояла, тупо смотрела на разлетающиеся по комнате обрывки и слушала ее выразительную брань.

– Значит, ты тоже?! – всхлипнув, пробормотала я.

– Что значит – тоже? – Любимая подруга уставилась на меня злыми мокрыми глазами. Прочувствовав, наконец, что произошло, мы заревели в четыре ручья, а потом сели на диван и обнялись – две безутешные сестрички, попавшие в беду.

– Он тебе сам сказал? – рыдала я, орошая плечо Карины потоками слез.

– Не-а. Сообщение «отмылил», – всхлипнула в ответ подруга.

– А мой на мобильник смску прислал! – Слезы хлынули с новой силой на новую блузку подругину. – Интересно, почему они нас бросили?

– Наверное, каких-то новых нашли, – высказала предположение Каринка. – По крайней мере, мой – точно. Вернее, теперь уже не мой. – Она жалобно вздохнула и вытерла слезы. – Короче, в последнее время он начал усиленно переписываться с какой-то Катей. И мне кажется, я ее однажды видела... Девушка с фотомодельной внешностью, ноги до подбородка! Она приходила болеть за него на теннис. Он сказал, что это его фанатка!

Я снова залилась слезами, представив, что и мне перебежали дорогу ноги до подбородка. Как с такими конкуриро-

вать, не представляю!

– Вот гады, а? – воскликнула Карина, с такой силой пнув рюкзак, что там что-то звякнуло.

– Гады, – согласилась я, сморкаясь в последнюю сухую салфетку. – А что это было в рюкзаке?

– Лосьон. Хотела подарить этой свинье на память о нашем путешествии. Трусы!

– Трусы, – вздохнула я, выбирая, какая из использованных салфеток посуше. – А что за лосьон?

– От прыщей и угрей.

– А у Евгена прыщи?

– Пока нет. Но теперь будут! Даже не соизволил объясниться лично!

– И Петюня не соизволил! – вздохнула я.

– Лучше бы я лосьон тебе подарила, честное слово... Или себе оставила... И блузку можно было не покупать, только зря пришлось все карманные за июнь грохнуть... Ой! – воскликнула вдруг Каринка, вскакивая и бросаясь к рюкзаку. – Как же я не сообразила! У меня же рядом с лосьоном Плюшка упакован!

Плюшка – это любимая Каринкина игрушка, плюшевый мишка. Сколько помню подругу, она никогда с ним не расставалась. Плюшка сопровождал ее и в школе, и в летнем лагере, и даже во всех заграничных поездках, куда Каринку брали родители. Подружка берегла свой талисман пуше глаза, тряслась над ним, как над сокровищем, и вот теперь

– на тебе, что за напасть! Выуженный из рюкзака любимец оказался безнадежно испорченным. По белой мягкой шкурке растеклись красные разводы, мишка благоухал, как аптека, в которой проводились соревнования по стрельбе.

– Ну вот уж этого я Евгению никогда не прощу! – взвилась Каринка, выжимая Плюшку прямо на ковер. – Как я теперь с ним спать буду? Я имею в виду мишку, а не Евгения.

– Стой! Не выжимай! – заорала я, выхватывая медвежонка. – Нечего добру пропадать! Подумай лучше о прыщах! – И я быстро протерла Плюшкой лицо.

– Я и так все время о них думаю! Эй, мне оставь, это все-таки мой медведь!

Каринка тоже как следует протерлась медвежонком, и мы пошли в ванную. С трудом пристраивая отстиранного мишку на сушилку, мы снова в один голос заревели, потому что увидели в зеркале две красные, как свеклы, физиономии с семью прыщами на двоих. Только и надежда, что «умывание» Плюшкой нам поможет.

– А что бы ты своему сказала, если бы встретила? – спросила я у Карины, поплескав на лицо водой.

Зареванные глаза подружки загорелись, она шмыгнула распухшим носом и осипшим голосом изрекла:

– Я бы ничего не стала ему говорить! Просто плюнула бы на него, и все.

– В прямом смысле или в переносном? – ужаснулась я.

– И в том, и в другом, – отрезала Каринка. – Плюнула бы

ему прямо на рубашку! Или на самые лучшие ботинки...

– Правильно! И я бы на своего плюнула! Лучше всего – жвачкой, на те три волосинки, которые он называет прической...

– А потом я записала бы целый диск своих песен и заплатила бы его соседям за то, чтобы они включали этот CD на полную мощность, когда уходят на работу, – вошла во вкус Каринка. – Он ненавидит мою музыку!

– Точно! А я бы заплатила соседям Петюни, чтобы они начали ремонт! Он терпеть не может шум. У него от этого руки трясутся.

– Правильно! А еще я бы написала ему на лбу несмываемым маркером: «Чемпион среди уродов!»

– А я бы сделала у него на руке татуировку: «Ненавижу девчонок»!

«Разминка» оказалось полезной – мы отвлеклись от горьких мыслей, посмеялись. Так на смену обиде и отчаянию пришла жажда мести...

– Я знаю, что надо делать! – воскликнула Карина, размахивая перед моим носом связкой ключей.

Я пока еще ничего не понимала, и тогда подруга, воинственно сверкая глазами, изложила свою идею:

– Мы угоним Евгенову тачку – заявила она, – и поедем в Питер сами!

15.00

План был – просто супер! У меня даже дыхание перехватило от такой перспективы. Чем дольше я обдумывала Каринкино предложение, тем больше оно мне нравилось – это будет отличный способ убить не двух, а сразу нескольких зайцев (обожаю зайцев и ненавижу эту поговорку, но в данном случае она очень подходит). И как это подруга додумалась до такого? Хотя осознание того, что тебя бросили, любого заставит шевелить мозгами!

Итак, Каринкин план помогал нам:

1. Классно отомстить парням – пусть знают, что мы и без них не пропадем!
2. Несмотря ни на что, съездить в Питер – а я, между прочим, ни разу в жизни там не была и давно мечтаю!
3. Хоть немного отдохнуть от предков – они уже настроены, что мы уедем, вот мы и уедем!
4. Попрактиковаться в вождении машины – ясно, что обычным способом разрешения не допроситься раньше восемнадцати – не часов, а лет.
5. Не распаковывать рюкзаки – после долгих мучительных сборов это было бы просто издевательством.

Перебирая в уме все эти преимущества, я почти забыла о предательстве Петюни. Во всяком случае, плакать мне больше не хотелось.

– Только мы должны дать друг другу обет, – предупредила Каринка.

– Какой? – воодушевленная тем, что нам предстояло, я была готова на все.

– Никаких парней! – строго сказала Каринка.

– Никаких парней, – согласилась я: в данной ситуации это было совсем нетрудно!

– Никаких мобильников! – продолжала загибать пальцы подруга.

– Никаких мобильников... Кстати, у меня его уже и нет. О стенку расколошматила.

– А я свой два дня найти не могу. Так что вопрос отпадает сам собой... Никакой косметики!

– А это еще почему?

– Нечего ради них прихорашиваться!

– А если не ради них?

– А для кого же?

– Ну... ради самих себя.

– Знаешь, ты мне и ненакрашенная нравишься...

– Ты мне тоже!

– Ну вот! Значит, никакой косметики! – отрезала Каринка, и я опять согласилась. В конце концов, какая разница, с макияжем или без – я ведь и в самом деле красилась ради Петюни.

После первых минут эйфории я немного отрезвела и заинтересовалась, как подруга представляет себе техническую

сторону дела. Но Каринка вдруг погрузилась в свои мысли, поэтому пришлось взять инициативу на себя.

– Если мы собираемся вскрывать дверь, нам нужен ломик или что-то в этом духе, – начала фантазировать я. – Или поискать автоген? В газетах всегда пишут: «Дверь машины была вскрыта автогеном». Ты сразу скажи, что надо, а то у отца в кладовке можно неделю ковыряться и ничего не найти. И еще учти – я ни с какими инструментами обращаться не умею, а что касается автогена... даже не знаю, как он выглядит.

– А тебе и не надо! – остановила меня Каринка. Глаза ее прояснились, и я вздохнула с облегчением – кажется, она что-то придумала!

Так и было. Подружка снова показала мне загадочные ключи.

– Видела? От Евгеновой тачки, – сообщила она. – Забыл их у меня позавчера. Наверное, и сам еще не знает. Думала, отдам ему сегодня, а теперь – фигли он их получит! Пусть еще пару дней поищет!

Ура! Автоген не понадобится – с техникой у меня всегда были нелады. А вот Каринка сама забивает гвозди, чинит пылесос и электрогитары своих предков.

Я бросилась ей на шею, но она быстро прекратила несвоевременные нежности.

– Некогда целоваться! Дуй за рюкзаком! Встречаемся через пять минут у подъезда!

– А мы что, к Евгению в Бибирево на метро поедим? – ужаснулась я. Предвкушая поездку на машине, я запихнула в рюкзак половину своего и маминогo гардероба.

– На каком метро?! – сердито уставилась на меня «командирша». – Евгенова «шестерка» с позавчерашнего вечера под нашими окнами болтается, ты что, не заметила?

– А разве он от тебя не на ней уехал? – удивилась я.

– Без ключей? – Каринка насмешливо покрутила пальцем у виска, а потом бесцеремонно вытолкала меня за дверь. – Чтобы через пять минут вернулась!

Уходя, я почти смирилась с тем, что оказалась в пролете. Подруге удалось сотворить то, ради чего я приходила, – боль в сердце отпустила, и я могла жить дальше. Похоже, и Карине полегчало – она проводила меня слабой улыбкой, а ее щеки уже не блестели от слез.

15.30

Хорошо, что предки у меня не зануды – не стали доставать вопросами. Хотя могли бы, они ведь журналисты... «Шнурки» тактично оставили дочь в покое, совершенно не интересуясь, почему это она вначале убежала вся в слезах, а потом вернулась и теперь ползает по полу, заглядывая в грязные углы, – я вдруг с ужасом вспомнила, что так и не положила в рюкзак маникюрный набор, и все из-за Петюни! Мысли о вероломном очкарике вызвали новый приступ рева – и это было совсем ни к чему, потому что любимая пилка куда-то запропастилась, а слезы мешали ее искать.

– Ты узнала что-то неприятное о предстоящей поездке? – отважилась наконец спросить мама.

– Да, – кивнула я, наклоняясь пониже – мне показалось, что далеко под диваном что-то блестит. – Отменили экскурсию в Русский музей, и я не увижу своего любимого художника... Я имею в виду Куинджи и его картину «Вечер на Украине». Не знаю, смогу ли я это пережи-и-ить...

– Обидно, – согласился папа. – Я бы тоже переживал. Куинджи стоит посмотреть.

– Может, тебе не ехать, раз такое дело? – предложила мама. – А летом махнем в Питер все вместе, побудем подольше! Насмотришься на своего Куинджи так, что он тебе снится будет.

– Нет! – выкрикнула я. – Я хочу сейчас поехать! Обойдусь и без Куинджи...

Мама ушла, а я вытащила пыльный клубок шерсти с воткнутыми в него спицами – именно они и блестели под диваном. Надо же! Похоже, все это валялось там аж с пятого класса, когда я начала вязать шарфик. Со вздохом я зашвырнула клубок обратно. А потом подняла глаза и увидела на подоконнике Петюнины очки. Кровь прилила к голове, щекам стало жарко, я схватила очки, бросила на пол и принялась топтать, приговаривая:

– Вот тебе! Вот тебе, вот тебе, вот тебе!

Попрыгав на очках, я немного успокоилась. А когда заго- няла осколки под ковер, обнаружила наконец разбросанные маникюрные инструменты. Рядом валялось розовое бикини – все эти дни я никак не могла решить, брать его с собой или нет: все-таки весной в Питере еще холодно, – поэтому раз пять засовывала его в рюкзак и вытаскивала обратно. Теперь же, воодушевленная на самые отважные подвиги, я все же запихнула купальник в рюкзак. Гулять так гулять! Купаться так купаться! Отрываться – так на полную!

Рюкзачок оказался тот еще. Родители, взгромождая его на меня, дружно кряхтели, озабоченно вопрошая, не подогнать ли грузовик и не нанять ли грузчиков.

На прощание папа поцеловал меня в щеку и шепнул:

– Не расстраивайся, Мышонок! Если не попадешь в Русский, мы с тобой в Третьяковку сходим. Там ведь тоже

неплохой Куинджи.

Потом я обняла маму и побыстрее рванула к двери.

Последнее, что я услышала перед тем, как захлопнуть ее, был разговор родителей:

– Катя, куда мы едем в эти выходные?

– Куда-то в область. Освещать открытие нового пансионата, ты что, забыл?

– Да... Забыл... Кстати, а ты не видела мои новые очки?

Когда я вышла из подъезда, Каринка ковырялась в замке багажника Евгеновой машины, безуспешно пытаясь его открыть. Хотя ключ и проворачивался, крышка никак не откидывалась.

– Как будто что-то держит ее изнутри, – жаловалась покрасневшая от натуги Каринка, – или она зацепилась!

– Да брось ты его! – я нервничала, мне казалось, что наша активность вокруг чужой машины уже привлекла внимание всего двора. – Закинем вещи наверх, и дело с концом.

Каринка со вздохом согласилась.

– Я знаю, кто виноват, – буркнула она. – Мелкий, Вовик. Я видела в окно, как он возле машины возился. Наверное, испортил что-нибудь.

Это было похоже на правду. Одиннадцатилетний Каринкин брат Вовик отличался на редкость зловредным характером.

Закинуть рюкзаки и Каринкину гитару на верхний багаж-

ник оказалось очень даже непросто. Особенно мой. Вот когда я пожалела, что не послушалась предков! Надо было все-все лишнее оттуда выкинуть, а оставить разве что розовое бикини и маникюрный набор.

– Ты что, кирпичей туда насовала? – ругалась любимая подруга. – Или гантели прихватила?

– Нет, только телевизор, DVDшник и компьютер! – огрызнулась я. – У тебя и у самой сумочка не намного легче. И гитарка твоя тоже, между прочим, не перышко!

– Я-то свое по своим нуждам собирала. А вот ты на кого рассчитывала?

– Сама знаешь! – снова огрызнулась я. – Я же не знала, что окажусь в полете.

– Вот и я не знала.

Душевный разговор о парнях примирил нас и помог закончить работу.

– Да уж, гады они, что и говорить! – объявила Каринка, усаживая Плюшку около заднего стекла. Затем она уселась в водительское кресло и со словами «Поехали!» завела двигатель.

– Ты водить-то умеешь? – с опаской поинтересовалась я.

– А как же! Вот права, посмотри, – Каринка протянула мне пластиковую карточку.

– Да что мне эта бумажка, у кого ее сейчас нет, главное, умеешь ли ты водить?

– А ты сомневаешься? – оскорбилась подруга. – Между

прочим, мне на экзамене сказали, что у меня потрясающая реакция! Это когда я чуть на голубя не наехала и успела затормозить.

– А голубь? – спросила я. – С ним что стало?

– Ничего. Он улетел.

– Так, может, это у него реакция потрясающая? – хмыкнула я. – Ладно, нечего поедать меня глазами. Лучше на дорогу смотри. А то вдруг реакция подведет или пешеход попадется медлительный.

16.00

Ура! Мы сделали это! Мы угнали машину Евгена и теперь мчимся на бордовой «шестерке» по Ленинградскому шоссе в сторону Питера! Хотя, конечно, слово «мчимся» едва ли подходит для движения со скоростью десять километров в час. Я сижу на переднем сиденье рядом с Каринкой, на коленях – листок бумаги. Подруга-«чайник» попросила не отвлекать ее разговорами, и я решила воспользоваться моментом и быстренько написать то, что давно хотела, – чем еще заниматься в пробке? Правда, машина движется рывками и строчки прыгают перед глазами, но я боюсь, что другого времени просто не будет, – все-таки мы едем навстречу Приключению.

– Пешком было бы быстрее, – ворчит Каринка, одной рукой вцепившись в руль, другой – в рычаг коробки передач. Но чего можно ожидать от водителя, получившего права три недели тому назад, в день своего восемнадцатилетия! Ясно, что для нее наша поездка – боевое крещение, а пробка – просто экстрим. И не только для нее, но и для меня тоже, а также для всех окрестных голубей и пешеходов, рискующих попасться на нашем пути.

Я говорю «угу» и продолжаю писать – подобные реплики не требуют ответа.

– Черт бы побрал этих дачников! И что им дома не сидит-

ся! – снова повышает голос Каринка, напряженно глядя перед собой.

– Угу, – снова кивнула я и подумала, что все водители одинаковы – и мой отец брюзжит за рулем, и Евгений, Каринкин бывший парень, – он однажды катал нас по Москве.

– А ты куда прешься, «металлика»! Вот гадина! Чуть крыло не зацепила. Да ладно, не бибикай, все равно не пушу! – неистовствует подруга.

– Угу!

– Слушай, сколько можно – «угу» да «угу»! Ты совсем как мама, когда я рассказываю ей о своих школьных делах, – обиделась Каринка.

– Угу, – рассеянно кивнула я. – Кстати, а что ты наплела своей маме по поводу зареванных глаз?

– Она даже не заметила. Разучивает новую песню. У них на выходные выступление какое-то планируется.

Неожиданный рывок кинул меня вперед так, что я повисла на ремне безопасности и выпустила листок из рук. Хорошо, что подруга уговорила меня пристегнуться!

– Ну вот! – Каринка в досаде стукнула по рулю. – Чуть «черному» в зад не въехала! Все, встали. Долбаный бензовоз дорогу перегородил. Еще долго простои́м! Пока его оттащат... А что это ты, собственно, пишешь? Нам сочинение вроде не задавали. – Моя молчаливость достала-таки ее, и я поняла, что пора колотья.

– Что пишу? В данный момент – «Манифест Брошенных

Девчонок». Ну, тот, что мы у тебя придумали перед тем, как на дело идти!

– Это тот, где «никаких парней?»

– Ага! И «никаких мобильных».

– Слушай! У Евгена в бардачке есть черный маркер, напиши все это поярче и прикрепи к стеклу! Чтобы было перед глазами.

Через минуту рядом с талоном техосмотра болталась страничка с корявыми буквами:

Манифест Брошенных Девчонок

Никаких парней! Особенно высоких брюнетов по имени Евген и Петюня.

Никакой помощи парням – они этого недостойны!

Никакой косметики! Всегда оставаться самой собой!

Никаких мобильных!

Нас не догонят!

– Кайф! – вздохнула Каринка. – Перечитаешь – и легче на душе становится! Все-таки печатное слово – великая сила.

Машины сзади гудели: пока мы болтали, бензовоз уже оттащили, и движение возобновилось.

«Шестерка» тронулась. Каринка вставила в магнитолау кассету, и меня переключило: это были ее песни – а я их просто ненавижу! И не я одна – от них не в восторге ни ее предки (а они все-таки весьма продвинутые рок-музыканты), ни Евген, ни остальные...

Воспоминания о недавнем прошлом опять навеяли

грусть.

Вообще-то, когда мы познакомились с нашими теперь уже бывшими, ничто не предвещало, что все закончится так плохо. Наоборот, казалось, что эти отношения перерастут во что-то серьезное. Посудите сами: знакомства с парнями состоялись почти одновременно, но в разных местах. А позже выяснилось, что ребята – братья! Столько совпадений – разве это не к добру? Оказалось, нет.

Подруга познакомилась с Евгеном на вечеринке, после концерта ее родителей. Начинающий журналист собирался взять интервью у Каринкиного папаши, но вместо этого ему на глаза попала дочка, в итоге до папаши он так и не добрался, зато добился согласия Каринки встретиться на следующий день. Их роман развивался так же бурно и стремительно, как начался, и вскоре парочке казалось, что они знакомы уже много лет и просто созданы друг для друга.

У нас с Петюней все было совершенно по-другому. Мы познакомились в библиотеке, когда я пришла туда сделать ксерокопию. Петюня сидел в читальном зале, но смотрел не в книжку, а только на меня. А когда я собралась уходить, он вдруг вскочил и бросился следом. Мне было интересно, что он скажет, но парень молчал, только семенил за мной, все еще сжимая в руке книгу. У метро я сжалилась и спросила:
– И часто ты крадешь книги?

Он икнул и покраснел, но в библиотеку не вернулся. Вместо этого он проводил меня до дома, а потом мы стали встре-

чаться. Книгу он так и не вернул! До сих пор она стояла у него на полке, на самом видном месте, напоминая о дне нашего знакомства. Интересно, что он сделает с ней теперь? Может быть, все-таки отнесет в библиотеку?

Хоть они с Евгеном и братья, больших противоположностей не придумать. Евгений был шумным, чумовым заводилой, а Петюня – тихим, застенчивым скромником. Одно слово – историк! Он словно возник из своих архивных книжек – абсолютно несовременный, мечтательный, медлительный, и даже ухаживал, как в позапрошлом веке: с цветами, свиданиями у фонтана, стихами при луне... Никогда бы не подумала, что такой меня бросит! И все-таки это факт – я в пролете, а мой тихий милый очкарик оказался жестоким эгоистом и уже стал прошлым...

19.00

Мы в пути уже три часа. Солнце падает за горизонт, от его длинных вечерних лучей больше достается Каринке – она все время ворчит: ей в левый глаз бьет слишком яркий свет и мешает вести машину. А я посмеиваюсь про себя и наслаждаюсь – в занавешенной смогом Москве не увидишь такой красоты. И воздуха такого не найдешь – чистые, свежие струи вливаются в открытые окна, выдувая прочь запах бензина и пропитанного лосьоном Плюшки. Мне кажется, я даже различаю другие ароматы – леса, свежей луговой травы, первых цветов. А когда деревья подступают к самой дороге, до нас доносятся голоса птиц! На душе легко и радостно – все беды остались позади, в душном скучном городе. Еще раз убеждаюсь, что Каринкина идея была просто супер! Не знаю, что будет, когда мы вернемся, но пока что наше Приключение словно переключило жизнь на другой канал. Там шел бесконечный, нудный, надрывный сериал, а тут – что-то вроде «Фабрики звезд», или «Последнего героя», или даже КВНа!

Все это время мы четко выполняли нашу программу и ни разу не отступили от манифеста. А ведь за три часа много чего произошло, искушений хватало! На дороге было полно голосующих, но мы с Каринкой – стойкие оловянные солдатики – не дрогнули и подвозили только тех, кто нам нра-

вился. Естественно – бесплатно! Все-таки люди подвергали свою жизнь опасности, путешествуя с таким неопытным водителем, как Каринка. Правда, они об этом не знали, но было бы полным свинством еще и деньги с них брать.

Вначале нам попались две девчонки-рекламщицы, одетые, как огромные красные кружки «Нескафе». Они еле влезли в машину и долго охали, устраиваясь поудобнее в своей дурацкой одежде.

– А почему это вы в такой глуши кофе рекламируете? – поинтересовалась Каринка.

– А нам было в лом в Москве сидеть в такую жару. Вот мы и рванули к бабуле в деревню, автостопом. Начальство все равно не узнает! А пакетики в деревне старушкам раздадим, им на целый год хватит.

– А отчего в такой одежде? – Каринка кивнула на ярко-красные дутые «кружки». Из прорезей в их «стенках» торчали руки и ноги рекламщиц. – Можно ж было снять, если уж начальство не узнает!

– А у нас под этим ничего нет, – сообщили девчонки. – Только купальники. Жарко ведь! И душно, ужас как. Пота по полведра за день, вытекает. Мы платья в офисе оставляем, а в купальниках не особенно-то проголосуешь! Не так поймут...

Потом была старушка с корзинами редиски и щавеля – мы ее высадили у большого придорожного рынка, за что она подарила нам несколько пучков своего товара.

Следующей пассажиркой стала женщина с козленком, мы доставили ее до ветеринарной станции.

– На прививки едем, – объяснила хозяйка, с трудом заталкивая упирающееся животное на заднее сиденье. – Против коровьего бешенства.

– А разве оно на козлов действует? – удивилась Каринка.

– Еще как! И на козлов, и на коров, и на людей.

Козленок так нервничал, что всю дорогу отчаянно блял, забывая Каринкины песни. Пришлось скормить ему часть бабулиной редиски со щавелем – только тогда он успокоился. Но когда, высадив парочку около ветеринарной станции, мы отъехали на приличное расстояние, выяснилось, что козлик нагадил на пол. Вначале мы были просто счастливы – так Евгеновой машине и надо! – но потом пришлось за ним убирать, и это было уже не так весело...

– Надо было захватить резиновые перчатки, – брюзжала Каринка. – И освежитель воздуха!

– Тогда уж лучше биотуалет!

– А ты думаешь, козленок сумел бы им воспользоваться?

– Не ему, так хоть нам бы пригодился.

Вот когда мы пожалели, что оставили дома духи. Сколько ни оттирай место козленкова преступления – вонь не исчезает. Даже пахучий Плюшка не смог перебить этот запах.

– Ладно, садимся, поехали, – скомандовала Каринка. – Само собой выветрится.

Однако на этом сюрпризы не кончились – что и неудиви-

тельно для такого сумасшедшего дня.

20.00

Машина мчалась вперед по пустынному шоссе со скоростью 100 километров в час. После долгих споров о том, что поставить в магнитоле, мы пришли к компромиссу и теперь обе слушали радио. Разговор сам собой утих, я обнялась с Плюшкой, свернулась калачиком на заднем сиденье и незаметно заснула. Сон про Петюню был очень даже неплох. Я опрыскивала свой лимон на окне, и вдруг оказалось, что на лимоне сидит крошечный паразит – Петюня. От брызг моего пульверизатора он сморщивается, отваливается и падает куда-то на пол, в пыль, и больше я его не вижу...

Проснувшись, я не сразу поняла, что лежу между сиденьями, и кто-то сильно дергает меня за ногу. Машина стояла. А моя нога была в руках Каринки.

– Вылезай! Да вылезай же! – торопила меня подруга.

– Я не могу! – сообщила ей я.

– Почему?

– Ты меня за ногу держишь!

Каринка отпустила мою ногу, и я смогла наконец выбраться наружу.

Солнце коснулось верхушек деревьев, длинные тени закрыли шоссе, стало прохладно.

– А что случилось-то? Почему стоим?

– Бензин кончился, – сообщила Каринка.

Та-а-ак! Я огляделась. Мы были одни посреди пустынного шоссе. Вокруг, насколько хватало глаз, простирался глухой лес – ни домика, ни машины, ни человека.

– И что делать? – Я с надеждой посмотрела на Каринку. Подружка не раз демонстрировала свои способности в умении находить выход из безвыходных положений, но на этот раз, похоже, талант изменил ей.

– Будем ждать, – пожала она плечами.

– Чего?

– Пока кто-нибудь не проедет. Тогда попросим отлить нам бензина или отбуксировать до заправки.

– На пустом шоссе? В пятистах километрах от дома?

– В трехстах, – поправила меня подруга. – А что ты предлагаешь?

– Ну, я не знаю... А есть другие варианты?

– Толкать машину самим.

– И далеко?

– Не исключено, что до Питера! Я не знаю, где здесь заправки.

И тут мне в голову пришла одна мысль.

– Слушай... А если, когда мы будем голосовать, остановятся какие-нибудь парни? Мы примем их помощь или нет? – спросила я у Каринки.

– Нет! – решительно отрезала моя непримиримая подруга.

– А может, сделаем исключение? Все-таки у нас экстремальная ситуация.

– Экстремальная ситуация – это когда ты доверяешь парню, а он тебя бросает!

– А если это дедушка будет или взрослый мужчина?

– Ты думаешь, если у него волосы седые, внутри что-нибудь изменилось?

Пришлось смириться. Мы с Каринкой немного постояли на дороге, потом сели на обочину, затем расстелили куртки и легли. И почему это за рулем так мало женщин? Среди водителей, останавливавшихся возле нас, не оказалось ни одной автоледи.

Как назло, мне вдруг ужасно захотелось есть. Я порылась по карманам – ничего, только обертка от жвачки. И как это мы не подумали о еде? Надо было взять из дома или купить что-нибудь, пока было можно.

И тут я вспомнила о щавеле. Желание набить рот кислой травкой было так велико, что я ринулась к машине, как ошпаренная.

– Ты куда? – крикнула мне вслед Каринка.

– Я сейчас! – бросила я на ходу.

Впоследствии мне было очень стыдно за то, что я проявила себя такой эгоисткой и не подумала о подруге, но в тот момент меня занимало только одно: щавель – это тоже еда! Причем довольно вкусная...

Еще через несколько мгновений я оценила, какое это счастье – быть кроликом. Схватив пучок, я спряталась на заднем сиденье. Щавель почти не завял: свежие сочные листья

приятно хрустели на зубах – видела бы мама, сколько немых овощей я поглотила! Или щавель – это фрукт? По-моему, мы на уроках биологии его не проходили.

Двух пучков оказалось мало – и зачем только мы скормили так много противному козленку? Перевод ценного продукта, с учетом того, как он нас отблагодарил.

Повторяю, эти эгоистические мысли можно объяснить исключительно моим волчьим аппетитом. В остальное время я веду себя иначе: исправно делюсь пищей с голубями, котятами, собаками и друзьями. Неудивительно, что, когда я наелась, муки голода сменились муками совести.

Едва лишь последний листик был мной уничтожен, как в машину залезла Каринка.

– Ты там не заснула? – поинтересовалась она, захлопывая дверь. – Просыпайся, сейчас поедем!

Я подняла голову – впереди маячила красная «девятка». Она-то и доставила нас на буксире к бензозаправке.

21.00

Чудеса начались, когда бак был почти залит. Мы стояли поодаль, наблюдая, как стрекочет счетчик. Но не успел он высветить последние цифры, как наша машина вдруг ожила и взбесилась.

– Откройте! – заверещала она тонким визгливым голосом. – Выпустите меня!

– Господи, что это?! – мы с Каринкой схватились друг за друга. Парень с заправочным «пистолетом», остолбенев, молча переводил испуганный взгляд с тачки на нас.

Потом изнутри послышались глухие удары, машина задрожала и, тихо тронувшись с места, медленно-медленно покатила. Парень едва успел отскочить, проливая на асфальт бензин. Бросив «пистолет», бедолага метнулся к нам, и теперь уже мы втроем стояли и смотрели, как «шестерка», набирая скорость, катится в нашу сторону. Это было похоже на фильм ужасов, когда машина без водителя вдруг оживает и, озверев, начинает преследовать людей. Я как раз недавно смотрела такой – там все виды транспорта вдруг сошли с ума и принялись давить народ на бензоколонке. Кошмарное зрелище! А кровищи-то сколько было, ужас!

– Надо ее остановить! – прошептала Каринка, прячась за меня.

– Аг-г-а, – согласилась я, прячась, в свою очередь, за спи-

ну парня.

– У меня не получится! – взвыл тот и отпрыгнул в сторону.

Мы метнулись в другую, и как раз вовремя – машина бесшумно пронеслась мимо, врезалась в ограждение и замерла. Некоторое время все стояли и смотрели, что же будет дальше. Но ничего не происходило, и тогда я рискнула оторваться от Каринки и осторожными шажками засемила к машине.

Я заглянула в салон – там было пусто, только Плюшка валялся на полу. Вот бедолага! Не везет ему сегодня, факт. Осмотрев салон повнимательнее, я вздохнула с облегчением и, обернувшись, помахала ребятам рукой.

– Ты просто забыла поставить на ручник! – крикнула я Каринке. – Вот она и поехала с горки.

Я осмотрела машину – она была цела, не считая вмятины на бампере от удара о бордюр. Да уж, Евгену сегодня тоже не везет!

– Да не бойтесь вы, идите сюда! – крикнула я. – Тут никого нет.

– Как это никого нет?! – раздался голос рядом со мной. – А как же я?

На этот раз обошлось без мистики – стоя рядом, я ясно услышала, что голос доносится из багажника. Хотя, конечно, мистика все-таки присутствовала – кто бы мог вдруг оказаться в нашем багажнике в 500 километрах от Москвы? Нет, в 300.

– Помощь не нужна? – крикнула Каринка, выталкивая вперед парня.

– Как-нибудь справлюсь! – бравируя, ответила я, а потом дрожащими руками попыталась открыть багажник. Как это ни странно, у меня получилось, и даже легко. Нажав на кнопку, я откинула крышку и... в лицо мне ударила струя воды. Отпрянув, я в панике заорала что-то, Каринка разразилась ответным визгом, к которому вскоре присоединился басовитый вопль парня. Однако эта парочка что-то не спешила ко мне на помощь, поэтому прошло несколько секунд, прежде чем мне удалось отдышаться и протереть глаза. А потом я услышала мерзкое хихиканье и увидела рядом с собой того, кого меньше всего хотела и ожидала встретить: маленькое чудовище, одиннадцатилетнего Каринкиного брата – Вовика! Заткнув водяной пистолет за пояс, зловредный малoletка снова целился в меня – на этот раз объективом видеокамеры.

– Ты?! Откуда ты взялся?! – Появление этого «подарочка» было совершенно необъяснимым.

– Оттуда! – Вовик показал на открытый багажник. – Вы меня сами привезли.

– А как ты очутился внутри? – подруга извергала громовые раскаты негодования. Почувствовав «грозу», мальчишка сразу умерил боевой пыл.

– Мы поспорили... – испуганно залепетал он, – с пацанами! Что я сумею залезть в багажник Евгеновой тачки.

– Ну, и как же тебе удалось выиграть? – поинтересовалась я.

– А он был не заперт! Я просто нажал на кнопку – и бамс, все само собой открылось.

– Ага! Так это из-за тебя багажник не открывался? – набросилась на брата Каринка.

– Ага, – парень с раскаянием шмыгнул носом. – Я его изнутри держал.

– Зачем?!

– Так мы ж поспорили, что я не просто залезу, а три часа там просижу! А когда ты ломиться начала, еще совсем мало времени прошло... К тому же ты сказала, что убьешь меня... А потом я заснул! А теперь вот проснулся. А сколько времени?

– Уже девять!

– О! Класс! Больше пяти часов! Вы подтвердите пацанам?

– А на что вы поспорили-то?

– Пацаны мне теперь пять сотен должны! – гордо сообщил «милый» ребенок. – За каждый час. Если, конечно, вы подтвердите, что я выиграл.

– Ладно! – согласилась я. – Подтвердим. Только если ты отдашь две сотни нам. Как компенсацию за морального ущерб!

– Дорого! – стал торговаться братишка. – Мне тогда самому ничего не останется!

– Будешь жадничать – вообще ничего не получишь, – от-

резала я.

– Уговорила, – нехотя согласился Вовик. Он огляделся и недоверчиво хмыкнул: – А вы чего, одни едете? А где ваши парни?

– Хватит трепаться, – отрезала Каринка и скомандовала. – Садись давай! И чтобы никаких выходов. Я тебе не предки, будешь доставать – выкину!

Кривляясь, мальчишка полез в салон.

– Нет, определенно, все парни – гады! Даже самые мелкие, – проворчала Каринка, заводя мотор.

– Фу! – скривился горе-ребенок, забираясь на переднее сиденье с ногами. – Чем это тут воняет?

– Канализацию прорвало, – ответила подруга, резко крутанув руль.

– Эй-эй, осторожнее! – завопил Вовка. – Не картошку везешь!

– И не сахар, – бросила Карина.

Да уж, появление мелкого явно не входило в наши планы. И что теперь с ним делать? Высадить на ближайшей остановке и отправить обратно автобусом? Но мы уже так далеко от города, а он в свои одиннадцать ездил не дальше соседней станции метро. Вернуться? Ни за что! Ведь наше Путешествие еще только начиналось...

– А кто это Плюшку изгваздал? – поинтересовался ближайший Каринкин родственник. Он брезгливо повертел в руках медвежонка, а потом вдруг резко открыл окно. – Мож-

но, я его выкину?

– Не смей! – заорала Каринка и так придавила педаль газа, что мы разогнались до скорости света. – Положи медведя на место!

– А-а-а! Тормози! Там в кустах менты!

В ответ на магическое слово Каринка так резко ударила по тормозам, что Вовик чуть не пробил лбом ветровое стекло.

– Все! Успокойся! Я уже положил твоего медведя, видишь? – заорал братишка, едва мы пришли в себя. – И чего ты такая нервная, не пойму... И злая! Ой, нет-нет, извини, добрая, добрая... А предки знают, что вы одни уехали, а не с классом? – он быстро сменил тему.

– Не-а, – честно ответила Каринка.

– Клево! А что ты – за рулем, знают?

– М-м-м...

– Круто! А Евгений тебе разрешил его машину взять? – ехидно спросил братец.

– А тебе предки разрешили взять камеру? – огрызнулась Каринка.

– Ладно, ладно, я понял. Только не говорите ничего предкам, о'к? А я никому не скажу про машину!

Очевидно, Каринке смертельно надоела эта бесконечная болтовня, потому что она решительно пресекла разговор:

– Все! Хватит трепаться! А то высажу!

Рефлекс на авторитет старшей сестры сработал мгновенно – почувствовав твердую руку, Вовик притих и вскоре засо-

пел. Но тут его взгляд упал на листок с нашим манифестом.

– «Ни-ка-ких пар-ней», – прочитало чадо по слогам – и это в пятом-то классе! – «О-со-бен-но...» – нет, там дальше много, я уже устал. А зачем вы это сюда повесили?

– Догадайся, если ты такой умный, – пробормотала Каринка, но ребенок услышал.

– Старуха, ты че, бросила Евгена?

Приняв наше молчание за согласие, парень радостно запрыгал на сиденье.

– Ух ты! Клево! Молодец, сеструха! Он мне никогда не нравился, твой Евгений! А твой Петюня – вообще полный урод! – сообщил Вовик, обратившись ко мне.

И почему это в присутствии одного-единственного Каринкиного брата всегда кажется, что резвится целый класс? Или даже школа... Ни за что не стану учителем! Ни за какие деньги. И если у меня когда-нибудь будут дети, первое, что они должны будут делать, – это молчать. А второе – беспрекословно слушаться старших.

– Если ты сейчас же не замолчишь, я тебя выкину! – прикрикнула Каринка, и ровно пять минут в салоне было тихо – больше Вовик не выдержал.

– А вы пассажиров подвозите? – скороговоркой спросил он.

– Смотря каких, – вздохнула Каринка, очевидно, поняв, что бороться с братом бесполезно.

– А вон таких, как этот парень?

Парень, о котором говорил Вовик, стоял у обочины с поднятой рукой. Кепка, стянутые резинкой в хвостик волосы неопределенного пыльного цвета, солнцезащитные очки, плеер, футболка, рубашка, джинсы, рюкзак, кроссовки – как видите, он ничем не выделялся, разве что бородой. Рядом с ним сидела собака – крупная черно-желтая овчарка с большими влажными глазами, лапочка и симпатяга. Наверняка предана хозяину – вон как слушается: не шевельнется, хотя на такой жаре так и тянет расслабиться и развалиться на прохладной травке. Обожаю собак! Все прошедшее детство умоляла родителей завести щенка, но предки были неприступны. «Вырастешь – заведешь кого хочешь! Хоть крокодила!» Но когда я вырасту? Через год? Через десять? Я, например, считаю, что уже выросла. Но разве это докажешь? На секунду появилось желание остановиться возле парня и познакомиться с его псом – конечно, овчарка умеет подавать лапу и все такое.

– Собака его не спасет, – строго сказала Каринка, словно прочитав мои мысли. А потом повела носом и добавила: – Ты что, забыла? Никаких парней! Хватит с нас Плюшки. И козленка. И моего брата!

– Мстить так мстить! – со вздохом поддакнула я, отворачиваясь от окна.

– Вот так-то. – Каринка удовлетворенно улыбнулась и снова вдавила педаль в пол.

Когда мы с Вовиком перевели дух, парнишка ехидно за-

метил:

– Дура ты, сестренка. Если и вправду хочешь насолить парням, лучше сажай их с собой кататься!

– Я уже посадила одного! – фыркнула Каринка и спросила: – Марин, у тебя там Плюшка под рукой?

– Ну да, – ответила я, не понимая, куда она клонит.

– Умой моего братца, а то достал, хуже некуда.

Потасовка с Вовиком закончилась в тот момент, когда мы увидели голосующую у обочины девчонку.

– Вот это телка! – присвистнул мальчик из ночного кошмара, нацеливая на нее камеру. – Высший класс! Эй, девочка! – крикнул он, высовываясь в окно. – Тебя подвезти?

– Вообще-то, тут я командую, – одернула его Каринка, но к обочине тем не менее свернула.

– Ты командуешь? – Я ткнула зазнавшуюся подругу пальцем в спину, отчего она охнула и скривилась. – А я думала, у нас равноправие!

– Ладно, ладно, я оговорилась, – пробурчала Каринка, останавливаясь.

Девчонка действительно выглядела шикарно. В другое время я могла бы и позавидовать ее фотомodelьной внешности и первоклассным шмоткам, но сегодня любой персонаж женского пола должен был, по идее, вызывать у нас с подругой жаркую симпатию, так что я тут же постаралась простить ей белокурые вьющиеся волосы, продолговатый овал лица с нежными чертами, необычный разрез светло-зеленых глаз,

улыбку Джулии Робертс и ярко-розовую мини-юбку, почти не прикрывающую невероятно длинных загорелых ног.

Вовик жестом радушного хозяина открыл дверцу со своей стороны, приглашая незнакомку сесть рядом.

– А мы вдвоем уместимся? – Девушка с сомнением нахмурилась и стала еще красивее.

– А почему бы и нет? – хихикнуло наглое дитя. – Лично я готов потесниться. Кстати, ты можешь сесть ко мне на колени! Или я к тебе, если не возражаешь.

– Сериалов посмотрелся, – прокомментировала Каринка. – А ведь ему всего одиннадцать! Представляешь, что будет, когда он вырастет?

Наша новая попутчица все же предпочла устроиться на заднем сиденье рядом со мной, и хлынувшая в салоне волна аромата дорогой туалетной воды тут же напомнила, что мне давно пора принять душ или хотя бы где-нибудь искупаться.

– Вы что, в полете? – вдруг спросила девчонка, и я удивилась, как быстро она догадалась, а потом поняла – манифест! Сообразительная девочка, ничего не скажешь.

– Угу, – буркнула Каринка, сосредоточенно глядя на дорогу. Тема была ей явно неприятна.

– Сочувствую. – Попутчица весело улыбнулась. – А отчего тут так лосьоном пахнет? Прыщи замучили? – Она достала зеркальце и начала демонстративно разглядывать свою идеальную кожу.

– Не нас, а его, – я показала на сидевшего у заднего стек-

ла Плюшку и вдруг поняла, что испытываю к девице резкую антипатию. Меня бесило все: и ее вид, и манеры, и рекламная улыбка, и то, что она чувствует себя как дома, словно не замечая нашего мрачного настроения.

А когда девица достала из плетеной сумочки (моя неосуществленная мечта!) плитку шоколадки и зашуршала фольгой, а потом аппетитно захрумкала – и это на глазах у троих умирающих от голода людей! – я поняла, что готова приписать к нашему манифесту еще один пункт: «Никаких блондинок!»

Похоже, мои друзья почувствовали то же самое. Я видела, каким жадным взглядом провожал Вовик каждый кусочек исчезавшей в прелестном ротике шоколадки и как насупилсья, когда понял, что ему ничего не перепадет. О Каринкином настроении красноречиво свидетельствовали неожиданные рывки и дерганье машины – пару раз она заставила-таки пассажирку подпрыгнуть и врезаться лицом в спинку переднего сиденья. Я так и слышала, как подруга бормочет: «Чтоб ты подавилась!»

Но девица, игнорируя наше мрачное молчание, в полном одиночестве уничтожила шоколадку, скатала из обертки шарик и выкинула его в окно.

– Знаете, что я сейчас сделала? – жеманно спросила она, облизывая испачканные шоколадом пальцы.

– Загадила окружающую среду, – буркнул Вовик.

– Веселый мальчик! – хихикнула девица, потрепав пар-

нишку по голове, а я так просто испугалась, что он сейчас развернется и укусит ее – от него вполне можно этого ожидать. Но нет, Вовик сдержался (а зря!), и красotka продолжила: – Нет, не угадал. Я вам показала, как надо расправляться с парнями!

Она замолчала, ожидая нашей реакции. Но если мадам-муазель надеялась на восторги и бурные аплодисменты, то ошиблась.

– Вам что, неинтересно? – обиделась попутчица. – А я думала, вы меня поймете! Я же мщу за таких, как вы!

Мы продолжали молчать, и тогда она затараторила:

– Я его совсем не люблю! Представляете? А он не знает. И долго еще не узнает. Я ему лапшу вешаю про чувства и все такое. Так им и надо, правда ведь? Ведь вас же бросили парни, да?

– Ты что, просто используешь его? – недоверчиво покосился на пассажирку Вовик.

– Ага! Он у меня на поводке ходит, как ручной. Ну как? Круто?

– Ну ты и свинья! – выразил общее мнение Вовик. – Ну ты и гадина!

– Ты что?! – остолбенела рассказчица. – Ты что это говоришь?

Она замахнулась на Вовика сумочкой, но я перехватила ее руку.

– Не смей трогать ребенка! – твердо сказала я. – И вообще,

выметайся отсюда!

– Вот-вот, – поддакнула Каринка, и машина резко остановилась. – Давай-давай, освобождай салон!

К счастью, уговаривать ее нам не пришлось. Напуганная нашим единодушием, она сама выпрыгнула из машины. Мы тронулись, а уменьшающаяся фигурка размахивала руками и орала нам вслед:

– Идиотки! Уродки прыщавые! Да кому вы нужны такие! Будь я вашим парнем, я бы вас тоже бросила!

– Ну и кадр. – Вовик презрительно сплюнул в окно. – Жаль бедалогу, попавшего в ее когти!

22.00

Девушка скрылась за поворотом. Мы ехали по темнеющему шоссе и не ожидали больше никаких происшествий, когда нас с воем обогнала ярко-красная гоночная машина.

– «Феррари»! – завопил малыш, направляя на экзотический автомобиль камеру. – Самая настоящая! Вот повезло!

– Кому – нам или им? – решила уточнить я.

– Нам, конечно! Такое в жизни разве увидишь? Их в Москве всего несколько штук!

– Может, догоним, попросим автограф? – съязвила Каринка.

– А ты догонишь? – Вовик недоверчиво покосился на сестру.

Каринка хмыкнула и так резко нажала на педаль, что нас снова припечатало к спинкам сидений.

Начались «гонки века». Никогда и не подозревала, что в подруге столько азарта! Мы с Вовиком чуть коньки не отбросили – такого страху натерпелись. Хорошо, дорога была пустой – не представляю, как бы нам удалось лавировать между машинами! От воя мотора и визга Вовика (а может, это я сама так визжала?) у меня заложило уши, а от ускорения и перегрузок тут же затошнило. Это было похоже на взлет космического аппарата и на «Такси-1, -2, -3», вместе взятые!

А Каринка, наоборот, вошла во вкус: вцепилась в руль, пригнулась, глаза горят, щеки красные, волосы растрепались... На наших глазах рождалась очередная кандидатка в гонщицы – Шумахер отдыхает! «Железная леди» была совершенно глуха к нашим воплям – а может, у нее тоже уши заложило? Во всяком случае, она никак не реагировала, пока мы наконец не сели «Феррари» на хвост. Несколько мгновений машины шли почти вровень, и Вовка что-то безумно верещал, не отрываясь от камеры. А потом красная машина свернула с шоссе и скрылась из глаз.

– Она же скоростная, – пробурчала Каринка, насупившись.

– Вы подумайте! – всплеснула я руками. – Она еще и выиграть собиралась! Да кто ты против них – девушка на телеге!

– Но я люблю выигрывать! Особенно у парней, – продолжала жаловаться Каринка. – И гонки, как выяснилось, тоже люблю!

– А я люблю жизнь! – отрезала я.

– Эй, телки, глядите сюда! – выкрикнул вдруг мелкий, возбужденно размахивая камерой. – Вы только посмотрите, кто тут сидит!

– Что-о?! Как ты нас назвал? – нахмурилась Каринка.

– Да ладно, расслабься! Ты лучше на экран посмотри!

– Да ты... Ты у меня... – Каринка стала надуваться, как рыба-еж, которая выражает свое недовольство, умело пре-

вращаясь из рядового обитателя морской стихии в гигантский кактус.

– Девки! Смотрите! Вон там, справа! – игнорируя наше недовольство, Вовик тыкал пальцем в экран камеры, но на этот раз наше с Каринкой терпение лопнуло. Мы не для того угнали тачку и удрали ото всех парней, чтобы один из них безнаказанно оскорблял нас!

Машина остановилась, и мы выволокли упирившегося малолетку на обочину. Каринка щекотала его, а я норовила подобраться к рукам, чтобы шлепнуть по ним пучком молоденькой крапивы, которую сорвала у дороги. Не знаю, досталось ли ему, а вот мои руки эта молодая, но злобная крапивка искусала, как целое полчище ос.

– А-а-а! Хватит! Я больше не могу! – заливался смехом Вовка, катаясь по траве.

– Вот тебе! Вот тебе! – шипела я, из последних сил сжимая истрепанный крапивный пучок.

– Обещаешь больше не выражаться? – грозно вопрошала Каринка, тряся братца. – Обещаешь?

– Да, да! Только отстаньте! – сломался наконец ребенок.

После экзекуции я почувствовала неожиданное облегчение. Каринка, похоже, тоже. Наши мысли озвучил пронизательный братик.

– Нашли себе мальчика для битья, да? Сорвали злость? Все предкам расскажу, так и знайте! – ворчал ребенок, стряхивая с джинсов траву.

– Марин, может, нам продолжить? – предложила Каринка и состроила такую физиономию, что «исчадие ада» испуганно затихло.

Я подняла камеру, посмотрела на экран и разглядела на заднем сиденье красной «Феррари» – кого бы вы думали? – того самого парня с собакой, мимо которого мы не так давно промчались на полной скорости. На лице нашего несостоявшегося пассажира ясно читалась злорадная ухмылка.

– Карин, ты только посмотри, кого они подобрали! – я перекинула камеру подруге. – И он еще смеется над нами! Его собака, кстати, тоже...

– А чего ты ждала? Все они собаки, – пробурчала Каринка, бросив хмурый взгляд на экран. – Ничего! Хорошо смеется тот, кто смеется последним. Будет и на нашей улице праздник! Посмотрим, как мальчик развеселится, когда узнает, сколько ему будет стоить поездка на «Феррари».

– Есть хочу! – вдруг захныкал Вовик. – Девчо-о-онки, дайте поесть!

– Там, на заднем сиденье, где-то щавель валяется! – сказала Каринка. – Можешь съесть его. Только мне оставь!

– Уже не валяется! – быстро сообщила я, на всякий случай отступив назад. И вовремя, потому что сердитый взгляд подруги не предвещал ничего хорошего.

– Почему не валяется? – строго спросила Каринка.

– Я его съела.

– Съела? Все-все-все? Тайком? И нам ничего не остави-

ла? – Каринка смотрела на меня так, словно это я только что обогнала ее.

– Почему же... Там еще кофе есть... В пакетиках... – залепетала я, прячась за ствол сосны.

– А кофе можно есть прямо так? Из пакетиков? – поинтересовался ребенок. – Или его обязательно водой разводить надо?

– Можно прямо так, – сказала Каринка. Не глядя на меня, она развернулась и почти бегом направилась к машине, буркнув напоследок: – Предательница!

– Карин, ну прости! – бросилась я следом за ней. – Я не нарочно! Сама не знаю, что на меня нашло! Я такая голодная была, что ничего не соображала!

Не отвечая и не оборачиваясь, Каринка принялась что-то делать с верхним багажником. В результате мой баул, освобожденный от пут, тяжело плюхнулся на землю.

– Эй! Ты что? Ты что делаешь?! – всполошилась я, бросаюсь к рюкзаку.

Ответом мне был звуки захлопнувшейся двери и взревшего мотора. Когда до меня дошел смысл произошедшего, было уже поздно. Машина сорвалась с места и умчалась, обдав меня клубами выхлопов и пыли. Все еще не веря, я стояла и смотрела ей вслед. Меня что, кинули?! Второй раз за день? Ну, это уж слишком!

Я пнула рюкзак ногой, а потом бросилась на траву и разревелась.

23.00

Как всегда, когда плачешь об одном, вспоминается другое, потом третье – и в результате рыдать можно бесконечно, по крайней мере, пока в организме не исчерпаются запасы влаги.

Первым делом я, конечно же, вспомнила о Петюне. Гад, гад, гад! Это из-за него я оказалась одна «в темно-синем лесу, где трепещут осины...».

Потом мысли мои перескочили на несправедливую двойку по географии. Гадская училка! Как она сме-е-ла... Из-за нее мне родители отключат Интерне-е-ет...

Подумав о школе, я тут же вспомнила, как в первом классе Сережка Жуков украл у меня из рюкзака заводную мышку и пугал ею на уроках девчонок, а Анна Васильевна конфисковала игрушку, и я ее больше не видела. А ведь это был бабушкин подарок на день рождения! Я так по ней скучала! И сейчас скучаю. Моя мы-ы-шка...

Следующий приступ рева вызвали мысли о Каринке, оказавшейся такой безжалостной. Она сама – предательница! Бросить меня одну посреди дороги из Москвы в Петербург, голодную – нет, об этом лучше не надо, – беспомощную, с огромным неподъемным рюкзаком, на ночь глядя! И все из-за чего? Из-за пучка щавеля и красной «Феррари», оказавшейся быстрее Евгеновой «шестерки»!

Тут мне в голову пришла крамольная мысль: а может, не только все парни гады? Может, и среди девчонок попадаются не самые лучшие экземпляры? Одни бросают парней, другие – подруг, третьи, вроде меня, уводят у них из-под носа последний листочек ща-а-авеля...

Если вокруг и бродили дикие звери, можно было не бояться – мой отчаянный рев наверняка распугал их всех.

Когда я открыла опухшие глаза, небо потемнело, стало прохладнее. Но, как всегда после плача, градус эмоций, наоборот, пошел вверх. Жажда деятельности сменила недавнюю апатию, и я была готова продолжить Путешествие, невзирая на приключившиеся со мной беды. Надо как-то выбираться отсюда, и побыстрее!

Однако, когда я накинула на плечи лямки рюкзака, оптимизма у меня значительно поубавилось. Мне едва удалось сдвинуть эту гору с места, не говоря уже о том, чтобы приподнять. Но слез уже не осталось, реветь я больше не собиралась, поэтому с несвойственной для самой себя решимостью я открыла рюкзак с намерением вытащить оттуда ровно столько, сколько смогу унести. Только самое необходимое! Это оказались: паспорт, деньги, маникюрный набор, темные очки, косметичка (здорово я Каринку надула, ха-ха!), пачка носовых платков, зубная щетка и розовое бикини – все, что влезло в карманы моей джинсовой рубашки. Немного подумав, я натянула на шорты новенькие, купленные специально для поездки серые вельветовые обтягивающие джинсы, а

под рубашку поверх топа надела бордовый меланжевый вязанный джемпер – как раз то, что требуется прохладным вечером. Еще немного поразмышляв, я вытащила парочку узконосых босоножек – не пропадать же добру! – и, связав их ремешками, перекинула через плечо. Когда я начала затягивать рюкзак, под руку попался сложенный конвертиком полиэтиленовый плащ. Эту штуку мама навязала мне вопреки моей воле. «В дождь можно спрятаться в музее или в кафе!» – объясняла я ей, но она, бывалая походница, не слушала, и теперь плащ оказался среди немногих нужных вещей. Надо же, какими проницательными бывают иногда предки!

На этом сборы закончились. Налегая на рюкзак, как на ком снега, я переكاتила его в ближайшие кусты: «Пусть полежит, пока не вернусь, или даже навсегда останется там!» – решила я с воодушевлением, представляя, как вместо утеранных надоевших вещей покупаю совершенно новые. Вот было бы клево! Можно хоть каждый год собирать такой рюкзачок и оставлять в лесу – если бы позволяли финансы, конечно.

Обо всем этом я размышляла, идя по дороге, поэтому не придавала значения раскатам грома и не сразу заметила поднимающиеся из-за леса клубы черного дыма. Вначале мне показалось – собирается гроза, и лишь приглядевшись повнимательнее, я обнаружила, что это не тучи, а самый настоящий дым, как при пожаре. Я еще ни разу в жизни не видела настоящего пожара, но по телевизору и в кино чего только не

насмотришься! Дым был как раз в той стороне, куда уехала Каринка, и, терзаемая дурными предчувствиями, я прибавила шагу. За поворотом резко посветлело – зарево освещало дорогу, и я побежала, а потом услышала собачий вой, и мне стало страшно, как никогда в жизни.

Еще поворот – и под ноги мне бросилась знакомая собака. Черно-желтый пес дрожал, скулил и терся о мои ноги, а потом поймал за полу рубашки и потащил за собой – словно я была единственным живым существом, способным ему помочь. Босоножки болтались на плече и мешали бежать; лишь секунду поколебавшись, я скинула их на дорогу.

Картина, открывшаяся моим глазам, была ужасна. В канаве, уткнувшись капотом в толстый сосновый ствол, догорала красная «Феррари». «Значит, мы их все-таки догнали», – мелькнула неуместная мысль, и тут же сердце сжалось от боли: вряд ли кто-то уцелел в покореженной машине. В первый момент мне показалось, что вокруг никого нет, однако, оглядевшись, я увидела возле кустов какие-то фигуры. Одна была распростерта на земле; в другой, копошившейся рядом, я узнала Каринку. Собака с лаем бросилась вперед, я – за ней. В три скачка добежав до людей, пес, поскуливая, улегся рядом с ними. И я поняла, что этот человек – хозяин собаки, тот самый бородатый парень, которого мы видели сначала на дороге, а потом в «Феррари». Он лежал на спине, раскинув руки, спутанные волосы закрывали лицо.

– Он мертв?! – выкрикнула я в страхе. Мертвецов я тоже

никогда в жизни не видела, если не считать прабабушкиных похорон. Но когда она умерла, мне было шесть, а прабабушке – девяносто три, и я помню только ее острый желтый нос, казавшийся мне каким-то ненастоящим. А сейчас был полный кошмар – еще час назад человек был жив, а теперь его нет, и это так ужасно...

– Я... я не знаю, – заикаясь, пролепетала Каринка. – Он еще ни разу не шевельнулся. Как хорошо, что ты пришла!

Она заплакала – громко, навзрыд, и я тоже – а ведь была уверена, что во мне ни слезинки больше не осталось!

– Дуры! – завопил возникший рядом Вовик. – Ой, опять, блин, сорвалось... Сколько же можно реветь? Вы что, слезный завод открыли? Да живой он, живой!

– Откуда ты знаешь?

– Вы че, сериал «Скорая помощь» не смотрите? У него вот здесь, на шее, есть пульс! Да вы сами попробуйте!

Он чуть ли не силой заставил нас приложить руки к шее парня – и действительно, под пальцами я ощутила слабое биение. Отняв ладонь, я увидела на ней кровь и пустила слезу с новой силой.

– Больше я вокруг никого не нашел. Остальные, похоже, смылись. Если выжили, конечно, – бодро сообщил Вовик, а я вдруг ощутила тошноту, представив, что стало с пассажирами, если они не успели выбраться. Я вытерла ладонь о траву и подумала: «А вдруг они все еще там, в машине?» – и мне стало совсем плохо, но в то же время отчаянно захотелось

подойти к «Феррари» и заглянуть в салон.

– Там тоже никого, – хмыкнул Вовик (неужели я выразила свои мысли вслух?). – Я уже все снял! – он помахал камерой. – С подсветкой отлично вышло. Люди, похоже, сами выбрались. Может, проголосовали, поймали тачку или пешком ушли.

– А почему здесь нет никакой милиции? И пожарных? И где «Скорая»? – залепетала я.

– Вы же сами мобильники дома оставили, – хмыкнул малец, крутя пальцем у виска. – Значит, никого сюда вызвать нельзя. Надо справляться самим!

Самим? Но как? Что можно сделать тут, в глухом месте, без взрослых?

И вдруг я кое-что вспомнила.

– Каринка, аптечка! – закричала я. – В нашей машине! Ты же, когда права получала, проходила первую помощь!

– Да и ты ее проходила! – отреагировала подруга. – Помнишь, по ОБЖ в третьей четверти? У тебя даже «пять» было!

– Что-то не помню... Наверное, я ее пропустила, когда болела. А отметки, сама знаешь, нам всем «нарисовали». Так что давай уж лучше ты командовать будешь, ладно?

– Ладно, трусиха... Сейчас посмотрю... – С этими словами Каринка открыла аптечку и вывалила ее содержимое на землю. – Сильного кровотечения у него нет, значит, жгут не понадобится, – сказала она и схватила какой-то пузырек и пачку ваты.

Оторвав клочок, она смочила его жидкостью из пузырька, и до меня донесся резкий запах нашатыря.

– Попытайся привести его в чувство! – приказала она, протянув комочек мне. – Хоть это-то ты можешь?

Я поднесла вату к носу парня, он дернулся, застонал, но глаз так и не открыл. Я попробовала еще раз – бесполезно, нашатырь на раненого не действовал. Зато он действовал на меня. Противный запах остановил головокружение и помог удержать сознание – а ведь я чувствовала, что вот-вот грохнусь в обморок.

Каринка тем временем продолжала исследовать содержимое аптечки.

– У него большая ссадина на голове... Чем бы это перевязать? Тут должны быть стерильные салфетки для остановки капиллярного кровотечения... Ага! Вот! – она быстро разорвала упаковку, приложила салфетку к ране, начала обматывать бинтом. – Да помогите же! – прикрикнула она, и Вовик придержал голову парня, пока Каринка кое-как не закрепила повязку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.